УКРАИНА

Виктория Ивлева: "Это война не Путина, а российского народа"

Дмитрий Волчек

24 ноября 2026

Встреча украинского военного с женой после обмена пленными. Чернигов, май 2025 года. Фото Виктории Ивлевой

В парижском книжном магазине YMCA-Press открылась выставка фотографий Виктории Ивлевой "Меня зовут война". Ивлева – лауреат премии World Press Photo за репортаж о 4-м реакторе Чернобыльской АЭС, её выставки проходили во многих странах. Она родилась в Ленинграде, жила в Москве, участвовала в правозащитных инициативах. С 2014 года поддерживает Украину, в марте 2022 года покинула РФ и уже больше четырёх лет живёт в Киеве. В декабре 2024 года Минюст России объявил Викторию Ивлеву "иностранным агентом". На выставке в Париже представлены фотографии, сделанные во время полномасштабной войны: разрушенные здания, беженцы, эксгумация тел погибших во время оккупации Изюма и Бучи, возвращение солдат из российского плена...

О выставке, фотомастерстве и своей жизни в Украине **Виктория Ивлева** рассказала Радио Свобода.

– Виктория, выставка проходит в легендарном месте – в магазине YMCA-Press. Здесь можно купить не только новинки, но и книги, изданные эмигрантами много лет назад. У тех, кто читал эти книги, нелегально проникавшие за "железный занавес", к этому месту особое отношение. У вас, конечно, тоже.

– Для меня это большая честь, потому что я выросла на книгах этого издательства, которые тайно привозили в Советский Союз. У меня даже есть первое издание первого тома "Архипелага ГУЛАГ" Солженицына, вышедшее здесь. Мне его привезла подруга, которая была дипломатом и работала в греческом посольстве в Москве. А на днях мне подарили здесь первое издание второго тома.

Виктория Ивлева на выставке в Париже

– Работ на выставке немного, но они отражают разные стороны войны – не только её ужасы, но и радости. Например, снимок, где солдат, вернувшийся из российского плена, встречается с женой. Как вы отбирали эти фотографии из тысяч?

– Это всегда самое сложное. Я не скажу, что каждый снимок – твой ребёнок, но лучшие – конечно, как свои дети. А выбрать лучшего из своих детей очень трудно. Поэтому я прошу помощи у друзей, как правило фотографических кураторов, и прислушиваюсь к их советам. Очень часто фотограф сам своих снимков не видит. Многие совершенно искренне считают так: как это может быть плохой снимок, если я пять часов просидел в болоте, даже без резиновых сапог, чтобы его сделать? На самом деле снимок может быть никаким, но усилия, которые ты вложил, влияют на его оценку. Поэтому работы всегда лучше показать кому-то, кто к тому же понимает пространство. Вписать мои картинки в такое маленькое помещение – даже не выставочный зал, а маленький музей YMCA-Press – было очень непросто. Хотелось показать больше, но места мало.

– Почти все ваши последние работы чёрно-белые, хотя у вас много цветных серий. Почему вы снимаете военную Украину именно так?

– Во-первых, она и есть сейчас чёрно-белая. Мир и война – кроме этого, ничего особо не существует. И в сердце, и на улице. Мне кажется, что чёрно-белые фотографии драматичнее, они больше подходят к войне. Хотя должна признать: только с появлением цифровой фотографии я поняла, насколько сложнее снимать в цвете. И я с большим уважением отношусь к коллегам, которые снимают войну в цвете.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Война – уродливое дело". Украина в фотографиях Виктории Ивлевой

– Кого вы считаете своим учителем?

– Сложный вопрос, потому что на меня влияла не только фотография, но и литература, и образ жизни, и родители. Всё это складывается в каком-то плавильном котле, и одного конкретного фотографа я назвать не могу. Любимые мастера, конечно, есть, и Анри Картье-Брессон стоит среди них на первом месте. Но много и других, от работ которых у меня захватывает дух. Например, Робер Дуано, которого я считаю суперфотографом. Может быть, он находится в тени Картье-Брессона, но в его тени стоят все – как все драматурги в тени Шекспира.

Дуано повлиял на меня настолько, что снимок, о котором вы сказали, удивительным образом композиционно напоминает самую знаменитую его работу – "Поцелуй у Ратуши". Меня это сходство поразило, хотя, когда я снимала, я совершенно не думала о Дуано. Я думала о задаче: там была толпа фотографов, сквозь которую невозможно протиснуться. И невероятное стечение обстоятельств: очень много женщин – матерей и жён – приезжают на обмены в надежде хоть что-то узнать о пропавших без вести родных. И очень редко получается так, как с этой парой: он вышел из автобуса – и раздался удивленный и радостный крик жены. Вот так и получилось это счастье прямо на наших глазах.

“Я не знаю, насколько я стала для Украины своей, но Украина стала огромной частью моей жизни и абсолютно своей страной

– Вы смотрите на Украину как иностранка, как репортёр – или за эти годы она стала вашей страной?

– Я всегда помню, что я русская. Всегда помню, из какой я страны, и знаю, что моя страна принесла Украине. Я не знаю, насколько я стала для Украины своей, но

Украина стала огромной частью моей жизни и абсолютно своей страной. Я её нежно люблю.

– Но, как вы говорили, открывая выставку, эта любовь возникла не так давно. Вы никак не были связаны с Украиной.

– Никак. У меня нет украинских родственников. Более того, Украина как страна меня никогда не интересовала: мне всегда казалось, что куда Россия, туда и Украина. Идет вся из себя великая Россия, а рядом бежит маленький пудель. Да простят меня украинцы за это сравнение, но, думаю, так и было долгие годы, и при независимости это продолжалось.

Я настолько не интересовалась Украиной, что проспала первый Майдан, не обратила на него особого внимания. А второй Майдан меня разбудил – я его дитя. Я не была тогда в Украине, но безотрывно смотрела стримы: горящие покрышки, маленькие фигурки людей, которые бесстрашно идут вперёд, не имея никакого оружия. Для меня это был невероятный подвиг. Я была заворожена отвагой этих людей и их любовью к своей стране.

Отсюда и начался мой интерес. В начале апреля 2014 года я села в Москве на поезд – тогда ходил поезд Москва – Донецк, он назывался "Роза Донбасса". Доехала до Донецка, а потом проехала всю Украину до Коломыи в Ивано-Франковской области – это была самая западная точка. Потом вышла книжка "Мандрівка, или Путешествие фейсбучного червя по Украине". Так начался мой роман с Украиной, который, я надеюсь, продлится до конца моих дней.

Из цикла "Рождение Украины". Фото Виктории Ивлевой

– А потом был цикл "Рождение Украины", снятый в роддомах.

– Это 2016 год. Я не была на Майдане, и у меня было чувство вины: я ведь могла поехать. До сих пор не могу себе ответить, почему не поехала. После Майдана я стала думать, что можно сделать, когда главное событие уже прошло. На моих глазах родилась новая нация, новая общность украинцев. И я решила сделать серию "Рождение Украины" – потому что она действительно родилась заново – и показать рождение буквально, физически. Я проехала по всем областным центрам и снимала в роддомах. Потом была большая выставка в Киеве и в Северодонецке, который тогда был центром украинской Луганской области.

– Почувствовали ли вы, что вас приняла украинская журналистская среда? К пришельцам извне относятся настороженно.

– Я не думаю, что в Украине настороженно относятся к пришельцам. Настороженно и отрицательно относятся к пришельцам из одной страны – к сожалению, это Россия.

“ Меня всегда охватывает стыд, что эти люди меня благодарят –

– А вы как раз из этой страны.

человека из страны, которая прислала к ним убийц

– Да, я из этой страны. И у меня внутри работают какие-то ограничители: я никуда не лезу. Журналисты – народ бурный и нагловатый: когда нас выгоняют в дверь, мы лезем в окно. Это часть профессии. А в Украине, если мне говорят "нет", я сразу отступаю.

Мне всё время стыдно. Иногда меня узнают на улицах – у меня выходило довольно много интервью, я одна из немногих российских журналистов, которые открыто перешли на сторону Украины и живут там. Люди подходят и говорят: "Большое вам спасибо, хорошо, что вы с нами". И меня всегда охватывает стыд, что эти люди меня благодарят – меня, человека из страны, которая прислала к ним убийц, которая пускает по Украине реки крови и не собирается останавливаться. А мне говорят "спасибо". В этом "спасибо" – всё замечательное, что можно сказать об украинском народе.

Украинский военный готовится к запуску дрона-наблюдателя. Сумская область, лето 2024 года. Фото Виктории Ивлевой

– Решение переехать в Украину и жить в Киеве вы приняли, когда началась полномасштабная война. Почему? И были ли у вас за эти тяжёлые годы сомнения, что решение правильное?

– Сомнений не было никогда, ни одной секунды. Я счастлива, что живу в Украине. Это мои годы большого счастья – хотя я живу посреди зверства, жутких несчастий и смертей. Казалось бы, радоваться нечему. Но я счастлива, что живу в этой стране, могу хоть как-то ей помогать, служить и, может быть, хоть как-то искупать вину своей огромной безобразной родины.

Решение я приняла в один день – 24 февраля. Я поняла, что не хочу быть с Россией. Не хочу и не могу. Всё что угодно, только не с Россией. И поняла, что хочу поехать в Украину и хоть немножко помогать.

– Россия вашу нелюбовь заметила: вас, как и многих, объявили "иностранным агентом". Кто-то в такой ситуации нанимает адвокатов и судится, кто-то смиряется и ставит плашки в соцсетях. Какова ваша позиция?

– Я ни одной плашки в соцсетях не ставила никогда. Это мое принципиальное решение. Я считаю этот нонсенс с иноагентами юридическим преступлением. Как можно назначить человека иноагентом без решения суда? Вы скажете, что российский суд принял бы такое решение. Конечно, принял бы, я не сомневаюсь. Но это была бы хоть какая-то видимость. А здесь уже и видимости создавать не нужно. Россия, закусив удила, опускается всё дальше – наверное, правильнее всего сказать, в пространство ада.

Плашки я не ставила. Меня уже несколько раз судили административно. Административные суды закончились, и теперь я сижу и жду уголовного дела. По какой статье – не знаю.

“ Россия, закусив удила, опускается всё дальше – наверное, в пространство ада

– Философ Николай Карпицкий, который тоже переехал из России в Украину и живет в Славянске, говорит, что просто игнорирует происходящее с его делами в России: у него нет регистрации на "Госуслугах", и он распростился с этой страной навсегда. Вы согласны с ним или всё-таки живёте надеждой, что когда-нибудь вернетесь в Москву? Вы ведь всегда её любили.

– Я любила и мой родной Петербург. Я с Карпицким согласна. Я знаю, что никогда не вернусь. Это наказание за наше общее молчание, за наше несопротивление, невозможность или недостаточность сопротивления Путину и его власти. Я понимаю, что мне уже немало лет и что я не вернусь. Потому что это война не Путина – это война российского народа. Того народа, которым он стал при Путине: растленного, развращённого, морально коррумпированного. Не Путин же

приходит с ружьём, а всякие Иван Иванычи и Иван Петровичи, "вагнера" и прочие. Поэтому это война русского народа – в том виде, в каком этот народ сейчас есть.

– Вы фотографировали российских военнопленных в Украине, и на выставке есть один снимок оттуда. Там ваш вывод о том, что это война всего российского народа, подтвердился?

– Да, подтвердились все мои самые нехорошие ожидания. Я несколько раз была в лагере для российских военнопленных. Сразу скажу: в Украине пять таких лагерей, а в России для украинских военнопленных нет ни одного. То есть Женевскую конвенцию Россия соблюдать не собирается и плевать на неё хотела.

Меня поразило в этих людях полное непонимание того, что они делают. Они не понимали, что совершают преступления. Не понимали, что перейти границу другой страны – преступление. Что убивать людей в другой стране, да и вообще убивать людей, – преступление. Диалог был примерно такой. "Чего ж ты пошёл воевать, тем более добровольцем?" – "Да вот жена тяжело болела, нужны были деньги". Или: "Взял кредит, а любимая женщина меня бросила, и я остался с этим кредитом". – "Я не воевать шёл, мне сказали, что я буду водить". – "А что же ты водил, милок?" – "Танк водил". – "Ну так ты же стрелял из танка". – "Ну стрелял, но не так, чтобы кому-то в лицо, я просто стрелял".

То есть для них убить – это подойти и всадить нож в сердце. Всё остальное – не убийство. Каждый вполне искренне находит себе оправдание. А перейти границу, как сказал мне один из них, можно: если ты на танке и сильнее, ты имеешь право.

СМОТРИ ТАКЖЕ

Художник Алексей Ковальчук: "Съездил в Бучу, чтобы макнуть себя мордой"

– Вы встречали там идейных бойцов, которые поехали сражаться с "нацизмом"?

– Пожалуй, нет. Не сомневаюсь, что такие есть, но я не встречала тех, кто говорил бы о нацизме. Тем более что нацизма они видеть и не могли: их взяли в плен на поле боя, а потом увезли в лагерь. Где им было его увидеть? Разве что если бы они поискали нацизм под каким-нибудь камешком. Нацизм есть в любой стране. Главное, чтобы он не пришёл к власти. В моей стране он пришёл, а в Украине – нет.

– Вы говорите, что сделали мало для того, чтобы противостоять путинизму. Но вас-то в этом трудно упрекнуть: помимо фотографии, вы всегда были гражданским активистом, участвовали в уличных и благотворительных акциях, в правозащитной работе. И продолжаете этим заниматься.

– Я занимаюсь помощью украинским военнопленным в российском плену. Больше ничего на эту тему говорить не буду, потому что это связано с разными людьми в России, и я хочу, чтобы они были в относительной – насколько это возможно – безопасности.

Женщина с портретом пропавшего без вести украинского солдата. Чернигов, весна 2026 года. Фото Виктории Ивлевой

– В чём вы видите свою миссию как фотографа-документалиста?

– Недавно сюда, в Париж, приехала моя давняя знакомая из Москвы, активистка, – мы вместе много стояли в пикетах. И после встречи сказала: "Вика, я не верила тому, что показывали и говорили про Бучу, пока не увидела ваших фотографий. Не верила, что с людьми можно такое делать". Наверное, это для меня высшее – что мои фотографии помогли кого-то убедить в бесчинствах, которые творит моя родина.

– Что такое "хорошая фотография"?

– Та, которую хочется долго смотреть и изучать. В которой много интересных деталей. Которую смотришь и каждый раз открываешь для себя что-то новое.

– То есть она приближается к живописи – к картине со множеством деталей?

– Я не сравниваю фотографию с живописью. Хотя, чтобы стать хорошим фотографом, нужно, помимо способностей, быть очень-очень насмотренным. Думаю, походы в музеи очень помогают любому фотографу правильно строить композицию.

– Сейчас с помощью искусственного интеллекта и разнообразных программ можно сделать что угодно с любым снимком: добавить, убрать, изменить лицо, переставить детали. Не убивают ли эти технологии фотографию как искусство? Как вы к ним относитесь?

– Я никогда ими не пользуюсь, потому что занимаюсь документальной фотографией. Максимум, что я могу сделать, – то же, что раньше делали под увеличителем: что-то затемнить, что-то высветлить, и всё. Иначе это будет не документальная фотография, а вмешательство в жизнь на снимке. В документальной фотографии это недопустимо. Об этом даже нельзя помыслить – ни один документальный фотограф, я думаю, об этом и не думает, это не наши категории. Документальная фотография – это документ, правильно? А разве можно в документе что-то исправлять? Ну, можно, конечно. Российская Федерация, наверное, это делает. Но порядочные люди такими вещами не занимаются.

“ При всей тяжести ты смотришь и не можешь оторваться. Магия смерти затягивает

– Робера Дуано, которого мы сегодня вспоминали, как раз обвиняли в том, что он сконструировал свой знаменитый снимок. И для этих обвинений были основания.

– Я знаю эту историю: он увидел пару, которая целовалась, они ему очень понравились, и он попросил их сделать это еще раз. Думаю, они продолжали целоваться к собственному удовольствию. Ничего страшного в этом нет. Он же не приделал им драконьи головы или хвосты. Они остались такими, какими были, он просто повторил то, что видел в жизни. Для документальной фотографии это, конечно, не очень хорошо, но не думаю, что это запретный прием. Я так не делаю, но и Дуано ни в чём не обвиняю. Эта фотография – одна из самых знаменитых в мире – заслуживает своей славы.

– А вас пугают технологии, которые могут подменить реальность новыми образами? Или они открывают какие-то перспективы для фотографа?

– Меня вообще пугают все новые технологии, потому что я очень нетехнологичный человек – обломок XX века. Меня пугает, что они попадают в руки нечистоплотных людей, которые с их помощью могут еще больше управлять простыми людьми и влиять на их мозги. Поэтому я и противостою этому своими документальными снимками.

Эксгумация погибших в Буче из массового захоронения, апрель 2022 года. Фото Виктории Ивлевой

– *Какой камерой вы обычно снимаете?*

– Много лет это был Nikon, который ходил со мной в Чернобыль и в Руанду. А сейчас – пленочная Leica. Это большое удовольствие: она маленькая, компактная, удивительно удобная. Мне кажется, ею можно снять если не всё, то почти всё.

– *Какая из фотографий на этой выставке вам дороже всего и какая далась тяжелее всего?*

– Конечно, фотографии эксгумации. Это очень тяжело выдержать морально. Стоишь в полной тишине, перед тобой люди в белых костюмах, похожие на ангелов смерти. Они выкапывают из могил трупы – полуразложившиеся, в лучшем или худшем состоянии. Трупы людей, которые погибли или умерли и были похоронены без гробов, без родственников, просто завалены в братских могилах.

Присутствовать при этом очень тяжело. И при этом удивительное дело: при всей тяжести ты смотришь и не можешь оторваться. Магия смерти затягивает. Ты смотришь, смотришь и смотришь. Головой понимаешь, что ничего не может произойти: там не может быть живого человека, не может быть сундука с золотом, там будут только мёртвые. И всё равно не можешь оторвать глаз. Для меня это загадка. Стоишь как в оцепенении и снимаешь, снимаешь, снимаешь.

Дмитрий Волчек

Культурный дневник | Выбор Свободы | Украина